

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА “ЛЮБОВЬ” В ПОЭЗИИ Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

П. В. Тиханская
БГПУ (Минск)

Научн. рук. – Ю. А. Гурская, канд. филолог. наук, доц.

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс метафоризации и вербализации концепта “любовь” в творчестве Роберта Рождественского.

Ключевые слова: концепт; любовь; поэзия; метафоризация; вербализация.

Любовь – это светильник, озаряющий Вселенную; без света любви земля превратилась бы в бесплодную пустыню, а человек – в пригоршню пыли.

М. Брэддон

Современная гуманитарная наука характеризуется возникновением большого количества новых парадигм, среди которых – лингвокультурология, когнитивная лингвистика, антропоцентрическая парадигма в лингвистике и т.д. В центре внимания многих из них – тема любви, реализующаяся при помощи соответствующего образа и концепта. А ведь, пожалуй, самое сильное и великое чувство на земле – это любовь. Во имя ее совершались подвиги, порой неоправданно безумные поступки и даже начинались войны. Любовь меняла людей, окружающий мир и ход истории. Поэтому и не удивительно, что ее воспевают поэты и писатели во все времена, начиная с древности и заканчивая современностью. Не будь любви, того магического и волшебного “светильника”, по словам британской писательницы Мэри Брэддон, все вокруг стало было безжизненной пустыней, а человек без нее – всего лишь пригоршня пыли, маленькая, невидимая песчинка.

Обратимся к анализу концепта “любовь” в поэзии Р. Рождественского. В лексикографической практике слово любовь трактуется следующим образом:

1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство (например, *чары, ожидание, муки любви, признание в любви, объясниться в любви, безответная любовь*);
2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности (например, *любовь к родине, к родителям, к детям*);
3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь (например, *любовь к правде, к истине, к балету, к чтению, к животным*);
4. Пристрастие, вкус к чему-нибудь (например, *любовь к сладкому, к нарядам, к комфорту*);
5. Интимные отношения, интимная связь (например, *любовная связь, любовный напиток, любовные отношения*) [2, с. 183].

В поэтических текстах многих авторов лексема *любовь* концептуализируется, наполняется принципиально новым, более глубоким и символическим смыслом. Лингвист С. А. Аскольдов-Алексеев определяет понятие концепта как “мгновенное и трудноуловимое мелькание “чего-то” в сознании, это почки сложнейших соцветий мыслительных конкретностей” [4, с. 29]. Поэтому

концепт объединяет в неразрывное целое и понятийное составляющее, и образный компонент, и метафорическое авторское осмысление.

Концепт *любви*, безусловно, принадлежит к числу настолько высоких духовных абстракций, выше которых, по выражению самого Р. Рождественского, “в человеческой душе начинается мертвое, безвоздушное пространство. За этой чертой, за этой границей человек перестает быть человеком” [1, с. 7–8]. Благодаря изучению процесса семантической деривации как средства создания художественной образности в поэзии Р. Рождественского возможно по-новому взглянуть на его творчество и раскрыть характерные пути семантической трансформации лексики русского языка конца XX в.

Любовь в поэзии Рождественского метафорически представляется как некая субстанция, во-первых, имеющая пространственные характеристики, например, она предстает перед нами как пространство *города*: “города, города! / Сколько было вас — / разных?! / Деревянные, / каменные, / глинобитные, / будто гвозди, / в промерзшую землю / забитые, города...” [3, с. 15], *необитаемые острова*: “самые дальние, / самые тайные, / ветру открытые с трех сторон, / необнаруженные, / необитаемые, / принадлежащие нам, / кто влюблен” [3, с. 23], *звездные и тайные моря*: “между мною и тобою — / гул небытия, / звездные моря, / тайные моря”, и даже *вселенная*: “моя вселенная, / которой нет конца” [3, с. 56], во-вторых, указывает на эмоциональное состояние человека. Лирический герой предстает робким юношей, которому так трудно соответствовать сильной и уверенной женщине: “мне с тобой — / такой уверенной — / трудно очень. / Хоть нарочно / хоть на мгновенье / я прощу, робея, — / помоги мне / в себя поверить, / стань слабее” [3, с. 120]. Но автор твердо убежден, что в этой жизни все устроено только благодаря любви, которая является своеобразной *мечтой*: “степная птица вдаль зовет, / А степь привольна и чиста. / Во мне моя мечта живет, / такая непонятная мечта” и *началом*: “все начинается с любви: / мечта и страх, / вино и порох. / Трагедия, / тоска / и подвиг — / все начинается с любви” [3, 215].

Автор отождествляет любовь с *живительной силой*: “мы будем жить на земле, / пока будем любить!” [3, с. 172], которая дается человеку как награда. Рождественский бесконечно рад, что “есть на свете женщина, / судьбой приготовленная жить в радиусе сердца моего!” [3, с. 196]. Возлюбленная для него связана с самыми высокими и чувственными представлениями. Она и “*сила и слабость*”, и “*мысли тайные*”, и “*голос любви и весны*”, и “*путеводная звезда*”, и “*весенний ветер*”, и даже “*провода*”, которые способны дать сил и энергии для новых свершений и побед [3, с. 135–136].

Иногда любовь — это *ожидание*: “ты ждешь его / теперь, когда / вернуть его назад нельзя... / ты ждешь. / Приходят / поезда, / на грязных / спинах / принося / следы дорожных передраг, / следы стремительных / дождей...” [3, с. 312]. Порой люди ждут годами это чувство или просто того самого человека, покинувшего тебя одного со своими переживаниями и мыслями.

Языковая игра как прием способна стать основой смысловых перевертышей, превращающих привычное сравнение (*все начинается с любви*) в философскую догадку (*необитаемые острова, звездные и тайные моря*). Интересна сама манера письма Р. Рождественского, который разрывает фразы на отдельные строчки, тем самым подчеркивая основные образы и фокусируя внимание читателя.

Таким образом, концепт “*любовь*” в творчестве Р. Рождественского глубоко символичен и представляет собой своеобразное выражение “образов любви”, своего рода масок “чужих имен”, которые примеряет себе концепт, выступая в качестве определенного “персонажа”. В то же самое время один и тот же семантический признак, лежащий в основании базовой когнитивной метафоры, может порождать ее различные вербализации – метафорические выражения, построенные на основе нескольких образов, а один и тот же метафорический образ – допускать различные толкования. Характерна тесная взаимосвязь данного концепта с важными в мировоззренческой системе поэта представлениями о жизни и объекте этой любви, женщине: они тесно переплетаются и вбирают в себя семантический потенциал друг друга. Языковые потенции данных лексем в контексте всего творчества поэта необыкновенно богаты, преобладают семантические новообразования окказионального характера.

Литература

1. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2007. – 284 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии, 2005. – 944 с.
3. Рождественский, Р. И. Стихотворения / Р. И. Рождественский. – М. : Эксмо, 2007. – 480 с.
4. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Л. : Нева, 1997. – 187 с.